

ГВИШИАНИ Н. Б.

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В последнее время проблемы метаязыка языкознания все более настойчиво привлекают внимание лингвистов¹. Метаязык языкознания определяется как «язык второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как язык-объект, т. е. как предмет языковедческого исследования. Метаязык языкознания рассматривается нами прежде всего как средство научного (или метаязыкового) общения. Под метаязыковым общением понимается использование говорящим особой разновидности языка, реализующей интеллективно-коммуникативную функцию.

Одной из важнейших проблем, возникающих в процессе научного общения, является вопрос о том, какими словами пользуются ученые, которые говорят о языке, и почему они предпочитают данные слова, а не другие, являющиеся как будто бы с ними равнозначными. Ведь слова-термины — это не просто произвольно избранные и свободно реализуемые в речи единицы, употребление которых в контексте научного изложения определяется исключительно намерением автора. Продуктивность научного общения во многом зависит от того, насколько избранный метаязык понятен ученым, разрабатывающим данную область знания, насколько он может способствовать установлению контакта между ними. В случае же несовместимости метаязыковых систем говорящего и слушающего (и соответственно, пишущего и читающего) обмен научной информацией существенно осложняется ввиду отсутствия единой системы понятий и терминов, являющейся основой плодотворного научного общения. Необходимо отметить также, что метаязык неизбежно отражает мировоззрение ученого, т. е. систему его представлений об окружающем мире, причем это утверждение относится не только к языкознанию, но и к гуманитарным наукам вообще.

Вместе с тем в современных лингвистических работах дело нередко сводится лишь к сплетению разнообразных терминологических калек, заимствованных из часто неприемлемых для советской языковедческой науки работ зарубежных авторов. Однако главное заключается не в том, чтобы показать, как языковедческое исследование может быть подменено (и фактически подменяется) упражнениями с метаязыком. Необходимо разъяснить, в чем заключается методологическое значение данной проблемы и почему во главу угла ставится именно методология метаязыкового общения.

Предметом языковедческого исследования является естественный человеческий язык, существующий в речи и через речь. Языкознание как гуманитарная наука прежде всего призвано изучать язык как «непосредственную действительность мысли», «как средство выражения мыслей и чувств людей, живущих в обществе» [6, с. 15]. В центре внимания, таким образом, оказываются общественные функции языка, взаимодействие языка и культуры общества, языка и социально-исторических особенностей жизни данного языкового коллектива. Естественный человеческий язык не может быть сведен к системе знаков, а также к отношениям между элементами этой системы. Принципиальное отличие естественного языка от искусственных вспомогательных языков заключается в том,

¹ См., в частности, работы О. С. Ахмановой [1—5], Р. А. Будагова [6], Ю. В. Рождественского [7], М. М. Глушко [4] и др.

что «языковой знак является знаком только в системе отношений: знак — значение — предмет (явление)» [6, с. 15]. Только такое понимание семиологических свойств естественного языка позволяет осмыслить его как важнейшее средство человеческого общения. Отражательный образ реального мира, лежащий в основе категории значения, обеспечивает взаимосвязь языка и окружающей действительности, с одной стороны, языка и мышления, с другой. Именно лингвистическое значение, всегда сохраняющее признаки отражаемой реальности, не позволяет естественному языку превратиться в замкнутую систему знаков, лишь о б о з н а ч а ю щ и х соответствующие процессы и явления.

В этой связи возникает вопрос о самой природе (онтологии) метаязыка языкознания. Поскольку естественный язык не может быть сведен к «закрытой» системе элементов, язык его описания (т. е. метаязык языкознания) также не может быть представлен как замкнутый (или формализованный) ряд единиц. Реальная картина функционирования (и самого существования) естественного языка в речи оказывается настолько сложной и противоречивой, что для ее адекватного отражения необходим метаязык, обладающий достаточно гибкими и разнообразными средствами выражения. Именно это требование, исходящее из самой природы естественного языка как языка-объекта, обуславливает тот факт, что метаязык языкознания строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, т. е. имеет с ним единую (тождественную) субстанцию. Этой субстанцией выражения является звучащая материя. Таким образом, изучая естественный язык, мы пользуемся им же для того, чтобы говорить о самом предмете нашего исследования.

Рассматривая различные аспекты соотношения метаязыка науки и предмета ее изучения, необходимо коснуться вопроса о месте языкознания в системе наук.

Как известно, вербальное общение — на основе слов и словосочетаний данного национального языка — составляет неотъемлемую особенность метаязыка гуманитарных наук — философии, истории, языкознания. Напротив, при описании предмета изучения естественных наук (физики, химии), гораздо в большей степени опирающихся на физические объекты действительности, определенным образом координированные в пространстве и во времени, ученые прибегают к невербальным средствам передачи научной информации, которые включают различные формальные системы обозначений. Таким образом, метаязык естественных наук обладает принципиально иной субстанцией выражения по сравнению с объектом их изучения, т. е. с теми реальными свойствами явлений действительности, которые выступают как предмет исследования отдельных областей знания.

Вместе с тем языкознание занимает совершенно особое место в системе гуманитарных наук, что обусловлено спецификой предмета его изучения. Для языкознания характерны три основных этапа научного исследования: изучение языковых фактов, создание понятий, разработка метаязыка. В этом состоит отличие языкознания от более «отвлеченных» наук — логики и философии, в которых исследование начинается как бы со второго этапа, с рассмотрения самих обобщений (понятий и закономерностей), являющихся непосредственным объектом изучения. Языкознание же призвано прежде всего изучать явления человеческой речи. Поэтому попытки свести языковедческое исследование к преобразованиям формальных систем, оторванных от конкретных фактов языка и не подтверждаемых явлениями реальной речи, глубоко ошибочны и методологически несостоятельны.

Метаязык языкознания, таким образом, представляет собой не априорно данную и метафизически предшествующую исследованию семиологическую систему, а является завершающим этапом языковедческого анализа. Непосредственно воспринимаемый фактический материал (языковые явления и их свойства) выступают как основа системы таксономических категорий данной области знания. В языкознании таксономии устанавливаются путем индуктивного обобщения, т. к. отправным пунктом исследования является изучение фактического материала. Уровень же метатаксо-

номии достигается тогда, когда основой научной систематизации служат не первичные реально воспринимаемые объекты, а понятия и категории, представляющие собой результат предыдущей таксономической стадии обобщения [2].

Однако сказанное не означает, что дедуктивный («аксиоматический») метод не может быть использован в языкознании. Этот метод применим при условии, что первичные реальные объекты действительности не утрачивают своего значения как отправного пункта исследования. Если же происходит отрыв процесса научного исследования от реальной субстанции языка, материального опыта, то языкознание из науки, имеющей эмпирическую основу, насильственно превращается в науку спекулятивную.

Единство материальной природы метаязыка языкознания и языка объекта не означает их неразличения. Необходимо постоянно иметь в виду, что изучение того или иного языка в историко-генетическом (сравнительно-историческое языкознание) или системно-структурном плане (структурное языкознание) является подлинным предметом науки о языке, в то время как создание метаязыковой системы — инвентаризация терминов (понятий и номенклатур) — выступает как завершающий этап языковедческого исследования.

Метаязык языкознания представляет собой сложное явление. С одной стороны, в основе его лежат строго системные отношения между терминами как единицами, воплощающими в наиболее явном виде принцип единства выражения и содержания. С другой стороны, метаязык включает также и общенаучную лексику — те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов научного исследования. Иначе говоря, частью метаязыка данной конкретной науки является общенаучный язык — особый разряд языковых средств, реализующих функцию передачи «интеллектуальной» информации.

Что касается работы с терминологическими единицами в плане их упорядоченного распределения как единиц вполне определенной системы, то этот процесс включается в область семиотических исследований. В этой связи возникает проблема оптимизации данной конвенциональной семиотической системы в плане придания ей большей определенности и «однозначности». Как известно, именно эти свойства отличают единицы метаязыка от собственно языковых единиц, которые в результате проявления несистемных свойств естественного человеческого языка в той или иной мере характеризуются «неоднозначностью». Термин же, напротив, представляет собой такую единицу специального (научного, технического и т. п.) языка, которая создается, принимается или заимствуется для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов. Поэтому важнейшим свойством метаязыка является однозначность составляющих его единиц.

Несоответствие в определении терминов различными авторами и различными направлениями в языкознании в значительной степени препятствует осуществлению эффективного обмена научной информацией. Так, например, определение термина «категория» в отечественном языкознании существенно отличается от его трактовки в метаязыке американской дескриптивной лингвистики, особенностью которого является неразличение таких понятий, как «категория» и «класс». В традиции же русского и советского языкознания основные классы слов — это не категории, а части речи, которые обладают определенным набором морфологических грамматических категорий, отражающих их наиболее общие свойства [1, с. 96].

Говоря об общенаучном языке, необходимо отметить его более сложную организацию по сравнению с собственно терминологией. Если терминология, отражающая частные и конкретные особенности предмета изучения, значительно преобразуется в зависимости от того, какая наука находится в поле зрения ученого, функциональный стиль общенаучного языка как бы пронизывает (в своих наиболее существенных чертах) самые разные науки.

В то же время общенаучный язык является лишь особой функциональной реализацией естественного языка. При всей его «ограниченности» (особенно в плане употребления вполне определенных словарных и грамматических средств) по сравнению с языковыми стилями, основанными на функции воздействия², он продолжает сохранять все свойства языка как постоянно развивающегося объекта, языка как средства научного общения. Поэтому общенаучный язык не может изучаться и разрабатываться лишь на основе семиотических методов. Он оказывается слишком тесно связанным с «общим» языком, т. к. именно из этого источника черпает язык науки все новые и новые средства выражения для удовлетворения растущих потребностей развития научного знания.

Моделирование научного текста преследует цель оптимизации речевого сообщения, придания ему характера однозначно понимаемой информации. Именно на этой основе получают развитие семиологические свойства языка. Однако сам процесс анализа языковых средств с целью их последующего использования при построении (моделировании) «нормализованного» регистра научного изложения обусловлен именно филологическими методами работы с материалом. Для того, чтобы определить, что в данном отрезке речи следует отнести к коннотативно окрашенным элементам авторского стиля, а что может считаться нормативным употреблением, необходимо глубокое подлинное знание языка, умение исследовать его многообразные реализации в речи, что и составляет сущность деятельности филолога, его призвание. Подобный анализ относится к языкознанию как разделу филологии, в то время как синтез нового (моделированного) текста входит в область семиотики.

Хотя метаязык языкознания, по-видимому, в большей степени по сравнению с языком-объектом может быть подвергнут семиотическим методам изучения, он продолжает оставаться «открытой системой», разработка которой должна основываться на сочетании филологических и семиотических аспектов исследования. При изучении метаязыка (как и в случае естественного языка) системные методы являются лишь одним из принципов, одной из черт общей методологии [11].

Вопрос о применении семиотических методов в разработке метаязыковых систем еще более осложняется, если принять во внимание тот факт, что метаязык объективируется и реально существует только в соответствующей метаречи. Иначе говоря, метаязык, используемый при обсуждении того или иного научного предмета, не может быть оторван от индивида — человека, который, реализуя данный метаязык, производит своеобразную метаречь. Поэтому метаязык посредством метаречи и через метаречь оказывается не только национально и социально обусловленным, но и является несвободным от идей, взглядов, общей методологической позиции пользующихся им ученых-языковедов. Разработка метаязыка языкознания, таким образом, — это методологическая проблема, поскольку сам выбор тех или иных метаязыковых обозначений (терминов) отражает соответствующую методологию.

В области метаязыка мы обнаруживаем, с одной стороны, различные метадialeкты, принятые и развиваемые различными школами и направлениями в языкознании, а с другой — особое явление, заключающееся в быстрой смене метадialeктов, переходе от одного метадialeкта к другому («code-switching»), когда происходит общение между представителями различных направлений [1, с. 87—88]. Особое значение в этой связи приобретает рассмотрение метаязыка как системы единиц, в основе которой лежит соответствующая система понятий. Лингвистические тексты, относящиеся к определенным школам и направлениям в языкознании, со всей очевидностью свидетельствуют о постепенности научного исследования, о многоступенчатом процессе развития той или иной концепции. Каждое следующее понятие формируется на основе предыдущего, как бы выра-

² О разграничении функциональных стилей в соответствии с основными функциями языка см., в частности, работы В. В. Виноградова [8—10].

тает из предшествующего опыта. Заметим, что преемственность как процесс накопления достоверных знаний является важным и необходимым фактором развития науки. Наши представления об окружающем мире носят системный характер: отдельные элементы знания в виде комбинаций относительных и абсолютных истин не могут возникнуть «сами по себе», независимо от предшествующего опыта науки. Этим обеспечивается и системный характер понятийной основы научного знания — каждое отдельное понятие получает определенное обоснование как единица соответствующей системы.

Так, например, в русле дескриптивной лингвистики, рассматривающей предмет языкознания как совокупность технических приемов описания, способов расположения элементов в речевой цепи, вполне закономерно возникают такие понятия, как «расположение или аранжировка форм» (*arrangement of forms*), «распределение» (*distribution*), «классы взаимозаменяемых форм» (*interchangeable classes of forms*), «классы позиций» (*classes of positions*), «непосредственно составляющие» (*immediate constituents*) и т. д. Все эти термины обозначают понятия, естественно вписывающиеся в теорию «*talking about talking*», основным методом которой становится метод описания (*description*), сводящийся к перечислению способов фиксации явлений речи.

Напротив, для отечественного языкознания, в частности, в области синтаксических исследований, характерно стремление охватить сферу взаимодействия языка и речи, проникнуть в сложный процесс функционирования языка как общественного явления. Изучение фактов языка на основе неразрывного единства формы и функции, плана выражения и плана содержания предопределило возникновение и развитие таких понятий, как грамматическая категория и части речи в трудах А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, А. И. Смирницкого. В традиции русского языкознания формируется понятие словосочетания, в котором отразилась глубокая внутренняя взаимосвязь языка и речи, обусловившая всю сложность изучения этого явления. В учении В. В. Виноградова разъясняется важность понятия предикации для изучения речевых произведений. Именно на основе этого понятия, соотносящего высказывание с действительностью, осуществляется разграничение словосочетания и предложения, «малого» и «большого» синтаксиса. Центральным в синтаксисе признается понятие коммуникации, сущность которого составляет сообщение или передача посредством языка некоторого мыслительного содержания. В синтаксической теории А. И. Смирницкого возникают понятия внешней и внутренней сторон речи. Языковая единица определяется А. И. Смирницким как двусторонняя единица, имеющая план выражения и план содержания. При выделении членов предложения обязательно учитываются два критерия: содержание синтаксических отношений и тип синтаксической связи. Внимание к звучащей речи позволило обосновать важность интонации (ритмико-интонационной организации предложения) для синтаксического исследования. В теории И. И. Мещанинова определяются взаимоотношения между членами предложения и частями речи с учетом взаимоотношений системы языка и речевой деятельности.

Как можно видеть, конкретные различия в синтаксических теориях отечественных языковедов не нарушают единства общей методологической концепции, которая рассматривает в качестве предмета языкознания естественный человеческий язык. Общность методологии является важнейшим фактором общности понятийной основы исследования при всем различии в определении отдельных понятий и даже «полярности» некоторых теорий (ср. синтаксические концепции Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова). Совершенно ясно, что русское и советское языкознание следует рассматривать именно как систему научного знания, нашедшую отражение в соответствующем метаязыке.

Метаязыковое (научное) общение, основывающееся на представлении о целостности данной науки, предполагает существование общей методологической базы языковедческого исследования. Не случайно ученые, принадлежащие к разным лингвистическим школам, прежде чем присту-

пить к обмену научной информацией, как бы «сверяют» свои метаязыковые системы. Но что же происходит, когда обнаруживается несоответствие основополагающих методологических положений? В этом случае продуктивное научное общение (т. е. такой обмен мнениями между учеными, который реально способствует развитию науки) чрезвычайно осложняется.

Так, попытки создания «новой» универсальной теории языка — трансформационно-генеративной грамматики — приводят к искажению подлинного предмета языкознания: естественный человеческий язык подменяется универсальными правилами, имеющими характер гипотетических конструкций, мыслительными процессами, происходящими в глубинах сознания.

Интересно сопоставить определения некоторых важнейших грамматических понятий (например, в области синтаксиса) в языкознании как науке о естественном языке и трансформационно-генеративной грамматике с целью показать непреодолимый разрыв между ними в понимании самого предмета изучения, а также методов исследования.

Языкознание как наука о естественном языке

«...Синтаксис изучает закономерности тех взаимоотношений, в которые вступают слова в их конкретном грамматическом оформлении в процессе речи» [12, с. 123].

«...Определение конкретной синтаксической функции слов в предложении непременно предполагает учет лексико-фразеологических моментов. Иначе говоря, синтаксис не может отвлечься от конкретности слова как единицы словарного состава. Поэтому и невозможно свести синтаксическое исследование к чисто „формальному“ рассмотрению способов сочетания языковых знаков в речевой цепи» [12, с. 138].

Трансформационно-генеративная грамматика

«Целью синтаксического исследования данного языка является построение грамматики, которую можно рассматривать как механизм некоторого рода, порождающий предложения этого языка ...Конечным результатом этих исследований должна явиться теория лингвистической структуры, в которой описательные механизмы конкретных грамматик представлялись бы и изучались абстрактно, без обращения к конкретным языкам» [13, с. 415].

«...знание грамматической структуры не может быть приобретено путем приложения последовательных индуктивных операций ...любого вида, выработанных до сих пор лингвистикой, психологией или философией... Ясно, что в основе овладения языком лежит открытие ребенком того, что с формальной точки зрения представляет собой сложную и абстрактную теорию, — генеративную грамматику своего языка, многие постулаты и принципы которой лишь отдаленно связаны с опытом...» [14].

Совершенно ясно, что трансформационно-генеративная грамматика не является языковедческой теорией, т. к. она далека от решения проблем взаимодействия языка и речи, формы и содержания, устной и письменной форм языка. Основная функция языка — коммуникативная — полностью исключается из рассмотрения создателями так называемой «идеальной лингвистической теории».

Как уже отмечалось, естественный язык как предмет языкознания не может быть сведен лишь к отношениям между элементами системы, т. е. к «релятивному каркасу языка». Вместе с тем такого рода попытки выражаются, например, в стремлении заменить термин «член предложения» (свойственный русской и советской грамматической традиции) термином «синтаксическое отношение». В этом случае обычно ссылаются на модели генеративной грамматики, представляющие глубинную структуру предложения в виде дерева, где каждая вершина указывает на определенное синтаксическое отношение: NP (именная группа), VP (глагольная группа), S (предложение). Исходя из этого построения, отдельные члены предложения определяются как отношения (в математическом смысле) между вершинами дерева. В силу вступает формализованный метаязык, заимствованный из математической логики.

Понятно, что для решения вполне конкретных задач прикладного языкознания использование математических методов (в том или ином объеме)

может оказаться полезным. Однако попытки создания «новой» языковедческой теории на основе методологии других наук, отличных от языкознания как гуманитарной науки, неизбежно приводят к изменению характера самого предмета языковедческого исследования и объединению под термином «лингвистика» (или чаще «современная лингвистика» [6, с. 46]) принципиально различных теорий.

Использование гипотетико-дедуктивного метода в фонологии привело к созданию так называемого «фонологического компонента» порождающей грамматики, в основу которого была положена система «чистых отношений». Причем гипотетические представления были признаны первичными по отношению к реально воспринимаемым объектам. Совершенно ясно, что это направление в фонологии противостоит исследованиям языка, основанным на диалектическом методе, сущность которого составляет единство языка и речи, звука и фонемы, фонетики и фонологии. Сопоставим определения понятия «фонология» в формулировке обоих направлений.

Начнем с изложения, метаязык которого основан на диалектическом методе в языкознании. В этом случае становится необходимым рассмотрение фонемы как общего в отдельном, т. е. признание диалектического единства языка и речи. В соответствии с этим фонология определяется как «раздел языкознания, изучающий звуки речи как средство различения звуковых оболочек (звуковой стороны, выражения) слов и морфем, исследующий семиологическую релевантность и функциональные свойства звуков, звуко сочетаний и просодических средств» [3, с. 499]. Термин «фонология» становится, таким образом, необходимым и получает научное обоснование, поскольку под этим названием из всего многообразия вопросов, связанных с изучением звуков речи, выделяется «функциональный» или собственно лингвистический аспект, а именно: каким образом звуки речи, изучаемые с «материальной» или «антропофонической» стороны, функционируют в языке в составе морфем, как они соотносятся с другими звуками, входящими в фонологическую систему данного языка, какие их свойства являются наиболее важными для реализации функции общения и т. д. Особое значение в этой связи приобретает положение о том, что фонология не может рассматриваться как отдельная от фонетики в широком смысле дисциплина.

При гипотетико-дедуктивном подходе к фонологическому исследованию мы обнаруживаем принципиально иную ориентацию. В работах этого направления постоянно фигурирует тезис о том, что фонология должна исходить из дедуктивных гипотез, т. е. из допущений так называемой «гипотетической абстрактной фонологической системы» и «гипотетических звуковых процессов», поскольку звуковой состав языка выступает лишь как внешнее проявление абстрактных закономерностей, недоступных непосредственному наблюдению. Необходимым условием фонологического исследования в рамках порождающей фонологии становится постулирование «воображаемых фонем» и «воображаемых звуковых процессов», которые не извлекаются из реально звучащей речи, а задаются как отвлеченные фонологические правила преобразования абстрактных фонологических структур. Каковы бы ни были конкретные варианты метаязыка данного направления, суть его заключается в том, что первичными признаются так называемые постулативные гипотезы, имеющие дело не с наблюдаемыми фактами, а с воображаемыми фонологическими объектами, которые принципиально не могут наблюдаться в реальном функционировании того или иного языка.

Какие же выводы можно сделать из приведенного материала в плане метаязыкового общения? Очевидно, что научное общение между представителями этих двух направлений, сущность которых заключается в применении полярно противоположных методов в фонологическом исследовании, не может быть продуктивным ввиду различия самих исходных положений. Как следствие этого общеметодологического расхождения можно отметить существенные различия и в метаязыке: термины «абстрактная фонологическая система», «гипотетическая морфологическая структура»,

«постулативные гипотезы», «гипотетические звуковые процессы», «воображаемые фонологические объекты» и др. как бы отгораживают порождающую фонологию от предшествующей традиции развития науки. Понятия и категории науки объективируются в соответствующем метаязыке, поэтому единицы метаязыка фиксируют изменения как в понятийной основе исследования, так и в системе методологических предпосылок автора. В то же время принципиальные расхождения в метаязыке могут рассматриваться как сигнал, а в некоторых случаях и как свидетельство различия основополагающих методологических принципов исследования.

Для языкознания единственной методологией является исследование языка во всем многообразии его речевых воплощений. Открытие в языке семиологического аспекта (чрезвычайно важное само по себе) не может служить основанием для подчинения языкознания семиотике или таким наукам, как логика и математика, с целью придать ему якобы более «теоретический» характер. Подобные попытки обязательно содержат в себе элемент насилия над природой подлинного объекта науки о языке. Поэтому принципиальное значение имеет сохранение общеметодологической основы языковедческого исследования, которая является фактором сохранения целостности данной области научного знания.

Обобщения в языковедческом исследовании (например, понятия «категория», «часть речи» и т. д.) должны обнаруживать вполне реальные факты, лежащие в основе соответствующих понятий. Особенно недопустимым в методологическом плане является произвольное калькирование терминов, принадлежащих к разным наукам, а также к различным «теориям» в языкознании. При этом, как правило, отсутствует анализ того, как соотносятся заимствованные термины, отражающие соответствующую систему понятий и — шире — систему научного мировоззрения, с методологией советского языкознания. Кроме того, в процессе калькирования явно игнорируется данный национальный язык, лежащий в основе соответствующего метаязыка. Так, средствами русского языка калькируются термины, получившие распространение в американской лингвистике логико-семантического направления [15], например, «импликатура дискурса», «фактивная презумпция», «экзистенциальная пресуппозиция», «конвенциональная импликатура», «референтный терм» и др. Понятно, что подобного рода терминологические кальки совершенно не связаны с традицией метаязыка русского и советского языкознания. Кроме того, необходимо учитывать, как соотносятся соответствующие понятия с реальностью естественного языка — какие факты языка и речи стоят за этими наименованиями. Соотношение имени и реального явления оказывается существенным не только для понимания семиологических свойств естественного языка, но и для обоснования знаковых характеристик метаязыка языкознания. Ведь то, что не находит выражения в реальных фактах языка и речи, не может быть отнесено к предмету языкознания как науки о естественном языке. Следовательно, и термины, не находящие подтверждения в языковой реальности, т. е. лишенные предметно-материальной основы, также не могут составить метаязыка лингвистической науки.

Как неоднократно отмечалось в литературе, «советское языкознание — явление не только географическое. Включая в себя большое разнообразие аспектов и специальных методов исследования, оно в то же время объединяется общими принципами теоретического характера» [16, с. 4]. Специфика языкознания как гуманитарной науки заключается в том, что его предмет — естественный язык — создан обществом и немислим вне общества: «Попытки оторвать язык от речи, может быть, и удобны для всякого рода абстрактных лингвистических спекуляций, особенно замешанных на формально-математической основе, но они ничего не прибавляют к нашим знаниям о языке...» [16, с. 5].

Целый ряд советских ученых, а также западные языковеды приходят к выводу о том, что создание формализованного метаязыка допустимо лишь в случае, когда налицо имеются очевидные преимущества такой репрезентации языка-объекта. Формализация ради самой формализации

означает сведение предмета научного изучения к метаязыковым упражнениям. Иначе говоря, метаязык «вытесняет» подлинный объект языкознания, а сами факты и явления языковой действительности полностью исключаются из процесса научного исследования.

Взаимодействие наук на уровне метаязыка не должно приводить к растворению подлинной языковедческой теории, основанной на изучении фактического языкового материала, в формально-математических построениях. Языкознание как гуманитарная наука призвана изучать язык прежде всего в социально-историческом плане. Необходимо помнить, что в случае языкознания особенно важным является сохранение преемственности, не допускающей подмены теоретических основ исследования методологией других наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Akhmanova O.* Linguistic terminology. М., 1977.
2. *Akhmanova O.* Concerning the metataxonomy of linguistic science.— In: *Linguistique contemporaine. Hommage à Eric Buyssens.* Bruxelles, 1970.
3. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1968.
4. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. М., 1974.
5. *Ахманова О. С., Гвишиани Н. Б.* О задачах научной текстологии.— В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. V. М., 1981.
6. *Будагов Р. А.* Филология и культура. М., 1980.
7. *Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М., 1979.
8. *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики.— ВЯ, 1955, № 1.
9. *Виноградов В. В.* Язык художественных произведений.— ВЯ, 1954, № 5.
10. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
11. *Кузьмин В. П.* Место системного подхода в современном научном познании и в марксистской методологии.— ВФ, 1980, № 2.
12. *Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б.* Современные синтаксические теории. М., 1963.
13. *Хомский Н.* Синтаксические структуры.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962, с. 415.
14. *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965, p. 57—58.
15. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
16. *Филин Ф. П.* Об актуальных задачах советского языкознания.— ВЯ, 1981, № 1.